

Я ворочаюсь в своей постели, а затем бросаю взгляд в окно рядом со мной. Солнце уже встает, небо из чёрного становится темно-синим, с намеками на более яркий свет вдоль горизонта. Через несколько минут на улице станет светло и проснутся все птицы.

Мне действительно нужно попытаться поспать ещё немного, но я не могу.

Одна из причин состоит в том, что я теперь не так сильно устаю. Мне удалось урвать несколько спокойных часов, чтобы поспать. Другая причина заключается в том, что я делю кровать с Эсме. Она вцепилась в мою пижаму и с приоткрытым ртом уткнулась лицом в мой бок таким образом, что, когда она храпит, её слышно во всю силу, на которую она способна.

После совместных ночёвок постоянно звучат жалобы на то, что храп Эсме невыносим. Конечно же, она по-прежнему отрицает, что вообще храпит.

Я подаюсь вперед и оглядываю помещение. Доктор разрешил нам остаться в палате на ночь. Больше никому не нужны были кровати, и если бы мы не остались здесь, нам пришлось бы спать с парнями в казармах, а Тео сказал, что это плохая идея.

Честно говоря, если бы кто-нибудь из Львов попытался бы что-нибудь сделать, я почти уверена, что любая из нас могла бы избить негодяя до полусмерти, но, возможно, это к лучшему, что у нас есть немного личного пространства для себя. Так меньше сломанных носов.

Зевая, я пытаюсь высвободиться из хватки Эсме, что легче сказать, чем сделать. Мне нужно разжать ее руку, а затем оттолкнуть её, пока она тянется, чтобы возобновить объятия.

Хорошо, что ничто не может разбудить Эсме. Мои толчки локтями и коленями, предпринятые в попытке выбраться из кровати, вообще не вызывают никакой реакции. Я думаю, что на её глубокий сон не повлияли бы даже удары кастрюлями и сковородками по голове.

Я вздрагиваю, когда мои ноги касаются земли. Не только потому, что все мои ступни забинтованы, но и потому, что пол каменный и очень холодный.

Феликс и Бьянка делят одну из других кроватей. Прошлой ночью они обе вытянули по длинной соломинке. Феликс вообще не двигается во время сна и практически полностью беззвучна. Хотя она и просыпается при малейшем шуме.

— Ты проснулась? — шепчу я.

Её глаза всё ещё закрыты, и для всего мира она выглядит так, словно спит. Точнее, до тех пор, пока уголки ее губ не приподнимаются, и она не кивает. Феликс скатывается с кровати, а затем вытягивает руки вверх, потягиваясь, до хруста спины.

— Хорошо спалось? — спрашивает она.

— Ага, — лгу я.

Феликс ухмыляется и указывает на дверь.

— Пойдем. Держу пари, здесь завтрак начинается рано.

Мы берём нашу одежду и в молчаливой спешке одеваемся, после чего отправляемся на улицу. Я уж точно не могу разгуливать без своей верной накидки. У меня есть оправдания тому, почему моя кожа и глаза выглядят так, как они выглядят, но в первую очередь всегда лучше просто не вызывать подозрений.

Как выясняется, Феликс права. На кухне казармы шеф-повар запекает буханки ячменного хлеба, пока рядом с ним тушится большая кастрюля с фасолью.

Мы с Феликс вызываемся помочь в обмен на ранний завтрак и одну порцию сосисок. Такой обмен можно считать своего рода привилегией, учитывая насколько редким является мясо. Мы молча соглашаемся разделить его на четверых между нами.

Помощь в основном означает перенос вещей в столовую, где ранние пташки уже сидят и ждут своей еды, включая нескольких членов нашего каравана.

— Привет, Тео, — говорю я, ставя перед ним миску с фасолью, а рядом — краюху свежего хлеба.

— Вы уже проснулись? Хорошо. Мы не собираемся задерживаться здесь надолго. Товар, который мы доставляли сюда, уже выгружен.

— Хорошо, — киваю я. — Я пойду разбужу остальных. Когда мы уезжаем?

— Как только солнце полностью взойдет, — отвечает он. — Мне нравится просыпаться рано. От еды на ходу у меня спазмы в животе.

Я уже собираюсь вернуться на кухню, когда Тео протягивает руку и хватает меня за рукав.

— Прошлой ночью на аванпост кое-кто прибыл, — сообщает он.

— Кое-кто? — переспрашиваю я.

Он кивает.

— Последователи Алтума. Всего лишь небольшая группа.

— Те же, с кем мы пересеклись? — спрашиваю я.

— Нет. Это другая группа. Они прибыли прошлой ночью с юга. И начали задавать вопросы охране. — он оглядывается по сторонам, как будто ожидая, что кто-то подслушивает. — Я думаю, будет лучше, если мы двинемся дальше, не пересекаясь с ними.

— Действительно, — говорю я. Никаких обещаний.

Я возвращаюсь на кухню и приношу очередную порцию еды к столу, за которым сидят стражники с сонными глазами. На обратном пути я встречаю Феликс.

— Я собираюсь разбудить Бьянку и, может быть, плеснуть немного воды в лицо Эсме.

— Удачи с этим, — усмехается она.

Я посмеиваюсь и иду дальше. Мне действительно понадобится немного удачи, чтобы разбудить Эсме.

Я слышу какие-то звуки из палаты и врываюсь внутрь, толкая дверь спиной.

— Эй, ребята, просыпайтесь, мы...

Над Бьянкой склонился крупный мужчина с устрашающим выражением лица и зажатой у ее рта рукой. Она свирепо смотрит на него в ответ, одной ногой ударяя его в бедро настолько сильно, насколько это позволяет небольшое пространство, которое у нее есть.

Я вхожу в комнату и закрываю дверь с ужасающим щелчком.

Мужчина поднимает взгляд, и я наконец замечаю нож в другой его руке, которым он явно пытается замахнуться на Бьянку. Она удерживает его обеими руками, но незнакомец больше и сильнее ее.

Мои глаза встречаются с глазами мужчины, и он колеблется. А затем он кричит.

Из рук Бьянки вырывается сгусток пламени, обжигающий запястья мужчины.

— Ублюдок, — рычу я.

Три черных шипа со свистом рассекают воздух. Их полёт заканчивается тремя быстрыми ударами где-то в области его кишок.

Мужчина кричит и пытается подняться.

Это его последняя ошибка.

Бьянка приподнимается и зажимает рукой его открытый рот.

— Гори, — командует она.

Его глаза расширяются, и я вижу, как его щеки и вся нижняя половина черепа излучают теплый свет. Языки пламени вырываются из его носа, и я могу разглядеть рёбра сквозь его рубашку, когда внутренности начинают светиться.

Бьянка отталкивает тело, и оно падает на пол, изо рта валит дым, отчего по всей клинике разносится запах жареной свинины.

Я осматриваю комнату в поисках новых неприятностей, и в воздухе вокруг меня появляется все больше шипов, готовых метнуться в любого нарушителя.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Да, я в норме, — говорит Бьянка. — Я ценю, ваше беспокойство.

Это звучит заученно, как простое повторение чего-то вежливого. В основном, я ей не верю.

— Кто он? — спрашиваю я.

И тут раздаётся храп Эсме, протяжный, низкий и гулкий.

Мы с Бьянкой смотрим друг на друга. Её губы кривятся, и мы обе начинаем смеяться.

Я опускаюсь на колени рядом с телом, а затем, поскольку я не настолько глупа, прикладываю руку к его шее и проверяю сердцебиение, на случай, если он еще на самом деле не является «телом».

— Я никогда раньше никого не убивала, — говорит Бьянка.

— В книгах рассказывают, что это вызывает странные и неприятные ощущения и все такое, — говорю я. — Но я никогда этого по-настоящему не понимала. Думаю, ты можешь чувствовать себя виноватой, если хочешь. Но я бы не заикливалась на этом. Он напал с ножом на тебя, спящую девушку.

— Я могла бы обезоружить и схватить его, — говорит Бьянка.

— Только с помощью магии огня? — спрашиваю я скептически.

Я расстегиваю лацкан его дублета и вытаскиваю маленькую эмблему на цепочке из его внутренних карманов. На ней крест — символ Алтума.

— Член церкви Алтума? Или простой верующий?

— Он пришёл сюда не за нами, — говорит Бьянка.

Я смотрю на неё снизу вверх.

— Почему ты так решила?

— Иниго что-то знает. Он здесь, чтобы заставить его замолчать. Мы просто оказались в той же комнате, — Бьянка начинает массировать глаза. — Это первое покушение на мою жизнь, и оно направлено даже не на меня.

— Эй, эй, я уверена, что в следующий раз придут за тобой, — успокаиваю я её.

Мы обе снова начинаем хихикать.

— Неужели... неужели я теперь обречена иметь испорченную душу? — спрашивает она.

— А?

— Ну знаешь, обречена возродится ещё более худшим монстром из-за того, что совершила грех убийства, — говорит она.

— Это всё пропаганда. Монстр, которым ты станешь, будет искажен в зависимости от твоих достоинств и пороков. Простое убийство кого-то не является пороком. Упивание убийством и жестокостью, это что-то значило бы, но это? Да, это ничего не сделает с твоей душой, не волнуйся.

— Вы не так уж хороши в утешении людей, если позволите мне сказать, — говорит Бьянка.

— Извини? Я еще поработаю над этим. — отзывается я, а затем указываю на Иниго. — Нам нужно допросить его. И я хочу проверить Феликс. Я заберу её и вернусь сюда, это займет всего несколько секунд. Ты можешь пока плеснуть немного воды в лицо Эсме и приглядеть за дверью?

— И что потом?

— Потом мы разбудим Иниго и зададим ему несколько острых вопросов, после чего покинем это место. Не думаю, что я хочу оставаться на этом аванпосте ещё хоть сколько-то.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/75524/3428610>